

Протест - 2016: Спровоцируют ли выборы в Госдуму акции недовольства властью?

Предыдущие выборы в Госдуму, состоявшиеся в декабре 2011 года, прошли на фоне беспрецедентного за «путинскую» эпоху падения рейтинга власти и роста протестных настроений. Несмотря на сложности, «Единая Россия» сумела сохранить большинство в Госдуме, что вызвало многочисленные обвинения власти в фальсификациях. Обширная кампания против «Единой России» в предвыборный период после голосования трансформировалась в серию крупных протестных митингов, волна которых прокатилась по всей стране.

Одним из основных рисков для власти при подготовке и проведении выборов в Госдуму 2016 года является повторение в той или иной форме протестов конца 2011 – начала 2012 гг. Близкие к власти аналитики убеждают в невозможности реанимации «Болотного протеста» – по их мнению, его аудитория ограничена городским средним классом, подавляющее большинство населения же твердо в своей поддержке власти и ее курса.

При этом данные социологии демонстрируют обратное: несмотря на то, что «Болотный протест» носил ярко выраженный политический характер, уже тогда он не опирался лишь на представителей политически мотивированного «креативного класса». Хотя эскалацию протестных действий обеспечила достаточно узкая прослойка горожан, в глубине протеста лежало недовольство самых разных групп населения.

Социальная база «Болотного протеста»

В декабре 2011 года ВЦИОМ¹ провел опрос россиян, посвященный поддержке ими массовых протестных акций, таких как митинг на проспекте Сахарова в Москве, собравший, по разным оценкам, не менее 100 тысяч человек. В вопросе можно было выбрать три ответа с разной степенью симпатии к протестующим и вовлеченности в протест:

¹ http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=771&q_id=55068&date=11.12.2011

1. Считаю требования протестующих обоснованными и готов принять участие в акциях протеста за пересмотр результатов голосования (10% опрошенных);

2. Считаю требования протестующих обоснованными, но принимать участие в акциях протеста не готов (38%);

3. Считаю требования протестующих необоснованными, беспочвенными (28%).

Тех, кто выбрал первый ответ, условно можно обозначить как потенциальных участников протеста, готовых не только на словах, но и на деле выступить против власти. Вторые – пассивно сочувствующие, наконец, третьи – те, кто протесту 2011 года вообще не симпатизировал. Показательно, как соотносятся эти три группы с точки зрения социально-демографических характеристик.

Доля выбравших первый вариант меньше в ряде социально-экономических групп: по образованию – среди тех, у кого неполное среднее образование (7%); по пользованию интернетом – среди тех, кто пользуется интернетом реже, несколько раз в неделю, раз в месяц (6%); по профессии – среди сотрудников силовых органов (они не выбирали этот вариант), среди бизнесменов (5%); по материальному положению – среди выбравших вариант «Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты» (5%); по типу населенного пункта – среди жителей городов с населением до 500 тыс. (7%). В остальных социо-демографических группах количество выбравших такой вариант ответа было на уровне 8-15% (в среднем по массиву – 10%).

Согласно данным ВЦИОМ, в этой группе было только два сильных, заметных протестных ядра в социальных группах: по материальному положению (25% из числа отметивших вариант «Мы можем позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое», то есть самые состоятельные) и по профессии (38% среди государственных и муниципальных служащих). Отметим также большую долю ядерной аудитории протеста в Москве и Санкт-Петербурге (14%).

Среди тех респондентов, которые считали требования протестующих обоснованными, но не были готовы принимать непосредственное участие в акциях неповиновения, социальная база еще более размыта. Несколько меньше других симпатизировали протесту пенсионеры (33%), занятые домашним хозяйством (31%), неквалифицированные рабочие (29%), бизнесмены (30%), люди с низкими доходами, жители Северного Кавказа.

Вместе с тем, в этой группе уже появились и представители силовых ведомств, правоохранители (21%). Видно, что база пассивного одобрения была, согласно данным ВЦИОМ, достаточно широка: нельзя говорить о том, что прослеживались социальные или экономические группы, вообще не испытывавшие симпатий к протестам рубежа 2011 и 2012 годов.

Таким образом, у ядра протеста 2011 года была достаточно широкая в плане охвата разных социальных слоев база. Этих людей объединял не только материальный и профессиональный статус, хотя протестные настроения и были в большей степени присущи людям со средним достатком – менее активно их поддерживали бедные слои населения, жители небольших населенных пунктов. «Болотный протест» не был исключительной прерогативой «белых воротничков» и городского мещанства, как это пытались представить позднее, но опирался в той или иной степени практически на все группы населения.

За год до декабрьских протестов 2011 года, в декабре 2010 года, ВЦИОМ провел опрос о готовности граждан РФ принять участие в массовых протестных акциях². Тогда в целом по массиву 23% опрошенных были скорее готовы принять в них участие, скорее нет – 66%. В начале 2011 года, согласно данным ФОМ³, число тех, кто допускал возможность участия в акциях протеста, впервые за несколько лет превысило долю тех, кто не видит причин протестовать, приблизившись к 25% россиян. **Таким образом, уже за год до вызвавших кризис думских выборов 2011 года почти четверть россиян была готова к политическому и гражданскому протесту.**

Что касается социальных, демографических и экономических особенностей респондентов, выражавших в 2010 году готовность принять участие в протестах, то можно отметить меньшие доли готовых протестовать среди людей старше 60 лет (14%) и пенсионеров (16%), а также бизнесменов (13%) и специалистов с высшим образованием на производстве (16%).

Однако по ряду параметров группы респондентов, готовые протестовать в 2010 году, не соотносятся с теми, кто принимал или был готов принять участие в протесте 2011 года. Среди реальных протестующих прибавилось людей, оценивающих материальное положение своей семьи как хорошее или очень хорошее (14%), жителей Москвы и Санкт-Петербурга

² http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=700&q_id=50694&date=19.12.2010

³ <http://fom.ru/protests/23-cena-spojstvija>

(16%), представителей трех верхних децильных групп по доходу (16%, 19%, 21%).

По всей видимости, за год до «Болотного протеста», наиболее благополучные слои населения (в первую очередь, состоятельные городские жители) реже видели необходимость протестовать, но в 2011 году ситуация изменилась.

Таким образом, социология прогнозировала риск протеста задолго до его эскалации, при этом конкретный социальный облик протеста трансформировался к моменту его активации. Лишь в сам период акций 2011-2012 года определились конкретные группы, возглавившие общественные волнения.

Качественное расширение протестного потенциала

Показательно, как социологические данные 2010 – 2012 годов соотносятся с текущим протестным потенциалом, согласно данным за 2014 и 2015 гг.

Согласно различным опросам ФОМ⁴ и «Левада-центра»⁵, протестный потенциал в течение последнего года держится на относительно стабильном уровне. Лишь некоторые исследования указывают на количественный рост протестных настроений. Так в сентябре 2014 года при ответе на вопрос ВЦИОМ о готовности принять участие в массовых выступлениях протеста⁶ вариант ответа «Скорее всего, приму участие» выбрали 13% граждан РФ, в августе 2015 года аналогичный вариант ответа выбрали уже 19%. В своем докладе о социально-экономической и политической напряженности в регионах России Комитет гражданских инициатив зафиксировал 15-процентный рост протестной активности на местах за первое полугодие 2015 года⁷. Усиление протестной активности в регионах отмечено в докладе Центра экономических и политических реформ «Год санкций и дешевой нефти: протестная ситуация»⁸.

4 <http://fom.ru/obshchestvo/11090>

5 <http://www.levada.ru/old/15-09-2015/protestnyi-potentsial-avgust-2015>

6 http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=982&q_id=67522&date=14.09.2014

7 <https://komitetgi.ru/analytics/2563/>

При этом, результаты социологических опросов раскрывают качественные изменения протестного потенциала российского общества, существенное расширение его социальной базы.

В 2014 году, по данным ВЦИОМ⁹, в разрезе различных социальных и экономических групп среди готовых участвовать в протесте выделялись молодые опрошенные (18-24 лет – 16%), люди со средним или неполным средним (19%), безработные (31%) и занимающиеся домашним хозяйством (21%), студенты (17%), бизнесмены (17%), государственные и муниципальные служащие (22%). Видно, что, во-первых, протест по сравнению с событиями 2011 года сместился: в него стали более активно вовлечены предприниматели и безработные.

Во-вторых, уже в 2014 году стало заметно смещение протестных настроений в наименее обеспеченные в материальном отношении общественные страты. Так о готовности принять участие говорили люди с доходом 5000-8000 рублей на члена семьи (17%). Также намного чаще об этом говорили люди, определившие свое материальное положение как очень низкое («Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты» – 37%), и те, кто негативно оценивает материальное состояние семьи (вариант «Плохое, очень плохое» – 24%). Исключение составляют те респонденты, кто определил свой достаток выше среднего (20%).

В-третьих, в географическом разрезе регионы страны, готовые участвовать в протесте, в 2014 году также отличаются от таковых в 2010 – 2011 гг. Протестные настроения сместились в более отдаленные от центральной России регионы (На Кавказе таких людей – 25%, в Уральском федеральном округе – 20%, Дальневосточном – 23%, Сибирском – 17%). В центральной России таких людей уже 9%, в Северо-Западном федеральном округе – 8%.

Таким образом, уже в 2014 году потенциал протеста сместился в сторону малообеспеченных граждан, значительно выросла доля готовых протестовать среди безработных. Протестные настроения распространились среди бизнесменов.

8 <http://cepr.su/2015/11/07/god-sankcij-i-deshevoj-nefti-protestnaya-situaciya/>

9 Используются данные ВЦИОМ, так как данный социологический центр предоставляет более полную информацию по разбивке респондентов на социальные и демографические группы относительно других

Данные демонстрируют, что не прошли даром усилия по стигматизации и маргинализации протестов 2011 года, предпринимаемые властью. Городской протест столичных регионов очень сильно локализовался (в Москве и Санкт-Петербурге доля готовых участвовать в протесте – 7%), зато выше, чем в столицах, доля готовых участвовать в протесте среди жителей других типов населенных пунктов (к примеру, среди жителей села таких людей 18%).

В то же время, несмотря на низкий процент жителей Москвы, готовый принять участие в протестных акциях, москвичи по-прежнему могут стихийно собираться на относительно крупные митинги (например, многотысячный митинг против платных парковок на Пушкинской площади 15 декабря 2015 года). Это означает, что реальный потенциал протеста в скрытой форме может превышать социологические данные.

По данным опроса ВЦИОМ от 30 августа 2015 года¹⁰, **в 2015 году протестные настроения сместились в сторону малообеспеченных групп граждан еще сильнее.** Критический сдвиг видно по данным в следующей таблице:

Опрос ВЦИОМ 30.08.2015	Децильная группа по доходу (от низких доходов к высоким)									
Если такого рода массовые выступления протеста состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Скорее всего, приму	37	30	30	23	17	23	21	11	14	14
Скорее всего, не приму	52	60	66	76	78	73	75	86	79	81
Затрудняюсь ответить	11	9	3	1	6	4	4	3	7	5

Аналогичным образом, рост протестных настроений среди наименее обеспеченных социальных групп виден по распределению ответов в анкете респондента. Среди выбравших ответ «Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты» готовы протестовать 30%, среди ответивших «На продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна» – 25%, среди ответивших «Денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели для нас проблема» – 17% и т.д.

То же самое в группах по доходу на члена семьи: среди тех, у кого такой доход до 5000 руб, готовы протестовать 37%; среди тех, у кого он

10 http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1038&q_id=71701&date=30.08.2015

составляет 5000 – 8000 руб. – 29%, среди тех, у кого он составляет 8000 – 10000 руб. – 27% и т.д.

Среди готовых участвовать в протестах людей с 2014 по 2015 год стало больше молодежи: доля готовых протестовать среди людей 18-24 лет в 2015 году составила 25%. В профессиональных группах лидерами по долям готовых протестовать стали квалифицированные (23%) и неквалифицированные рабочие (28%), а также бизнесмены (22%). Хотя доля готовых протестовать безработных снизилась, среди них этот показатель также по-прежнему достаточно высок (21%).

Несмотря на то, что локализованный городской протест столичных регионов остался примерно на прежнем уровне (6%), значительно выросло количество готовых протестовать жителей городов-миллионников (с 11% в 2014 году до 20% в 2015 году) и городов с населением менее 500 тысяч человек (20-23% для разных типов городов по количеству населения). **Эта тенденция успела ярко проявиться на губернаторских выборах 2015 года, на которых крупные города стали лидерами по голосованию против кандидатуры губернатора от власти.** В Иркутской области протестное голосование жителей административного центра в итоге обеспечило избрание оппозиционного кандидата от КПРФ. Угрозу второго тура в Амурской области создало голосование против кандидата от «Единой России» жителей Благовещенска. **Социологические данные свидетельствуют о том, что крупные города, административные центры регионов становятся потенциальными точками протеста, уже отразившегося на результатах крупных выборов.**

В географическом отношении лидерами по потенциалу протеста стали удаленные от центра регионы: среди жителей Дальнего Востока готовы протестовать 30%, Сибири и Северного Кавказа – 27%, Приволжского и Южного федеральных округов – свыше 20%. В то время как протест, по сравнению со всплеском 2011 года, «просел» в столицах, его география как никогда за последние годы широко распространяется по стране в целом, захватывая все новые территории, отдаленные от Москвы.

Таким образом, ключевыми изменениями потенциала протеста за период 2014 - 2015 гг. по сравнению с периодом 2010 - 2011 гг. стали распространение протестных настроений среди малоимущих слоев (то есть, фактически, большинства населения России), которые сильнее всего пострадали от последствий экономического кризиса, перемещение угрозы протеста на периферию, подключение к потенциальному протесту все новых социо-профессиональных групп и территорий страны.

Возрастающую угрозу протеста подчеркивают данные ВЦИОМ о числе граждан, готовых к участию в протестных акциях. С лета 2014 года число таких респондентов возросло с 16% до 22% по состоянию на конец октября 2015 года¹¹. Подтверждают данный тренд и данные Фонда «Общественное мнение». Согласно регулярному опросу «ФОМнибус»¹², доля граждан, готовых принять участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста впервые с 2011 года в декабре 2015 года достигла 17% опрошенных. Данный показатель вырос уже на 5% с момента присоединения республики Крым к России.

Нарастают тематические протесты: по данным «Левада-центра», протест дальнобойщиков против сбора средств с владельцев большегрузного транспорта поддерживают 71% москвичей¹³, 76% жителей столицы выступают против расширения зоны платных парковок¹⁴, спровоцировавшего целый ряд митингов в Москве.

Беспрецедентное за последние 16 лет падение уровня доходов населения, резкий рост цен на массовые товары, обесценивание рубля могут в перспективе усугубить данную тенденцию и привлечь к активному гражданскому протесту действительно широкие слои населения. Качественным результатом эскалации общественных волнений может быть активный политический протест, в том числе электоральный протест.

Предпосылки протестного голосования: данные социологии

Один из ключевых вопросов прогнозирования социального протеста – перерастут ли возможные общественные волнения в электоральную форму, в том числе в рамках выборов в Госдуму 2016 года. Социологические рейтинги периода 2010-2011 года достаточно поздно начали сигнализировать о предстоящих сложностях «Единой России» на выборах декабря 2011 года.

Согласно данным ФОМ¹⁵ об электоральных предпочтениях граждан РФ, в предшествующем выборному 2010 году происходило небольшое,

11 http://wciom.ru/news/ratings/prottestnyj_potencial/

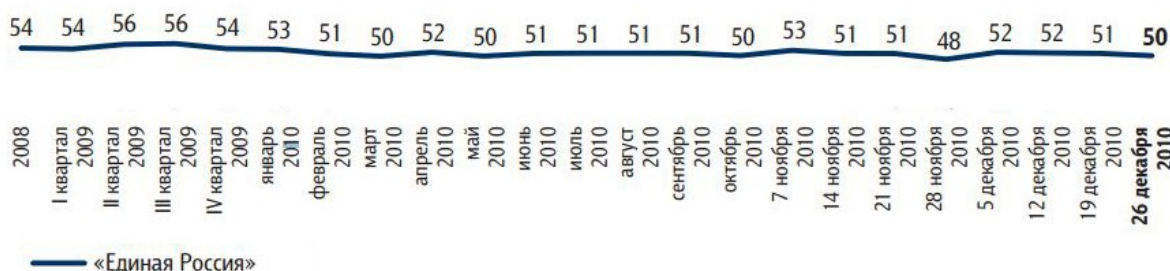
12 <http://fom.ru/uploads/files/d43pp15.pdf>

13 <https://tvrain.ru/articles/levada-399823/>

14 <http://newdaynews.ru/moskow/552331.html>

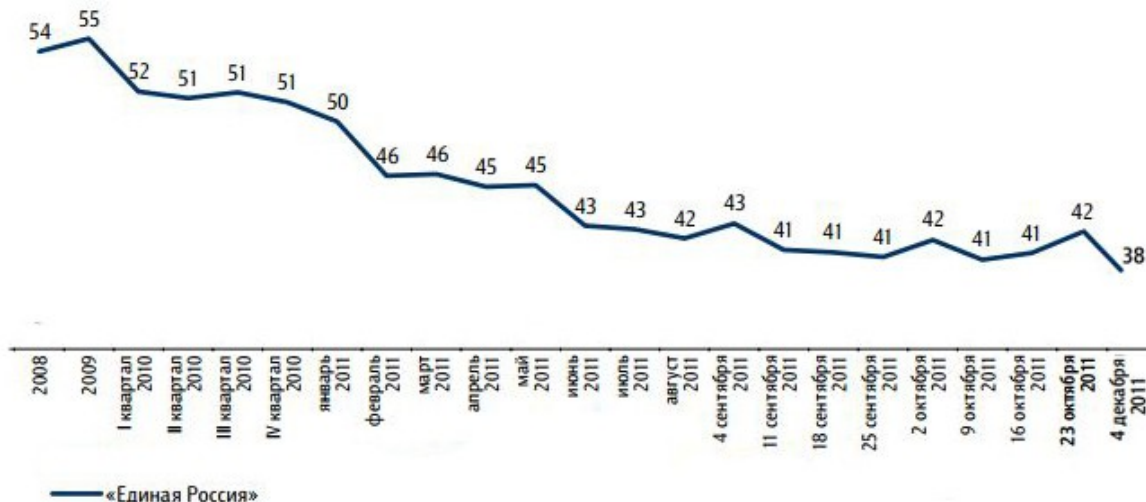
плавное снижение рейтинга партии власти: с 53% в январе до 50% в декабре 2010 года.

Рейтинг «Единой России» в 2010 году, ФОМ

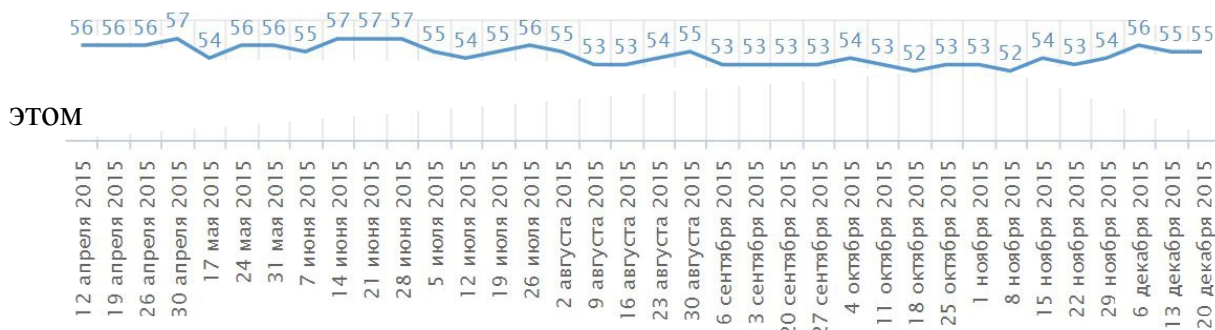
Непосредственно же в год выборов рейтинг «Единой России» достаточно резко устремился вниз, достигнув в конце года 38%.

Рейтинг «Единой России» в 2011 году, ФОМ

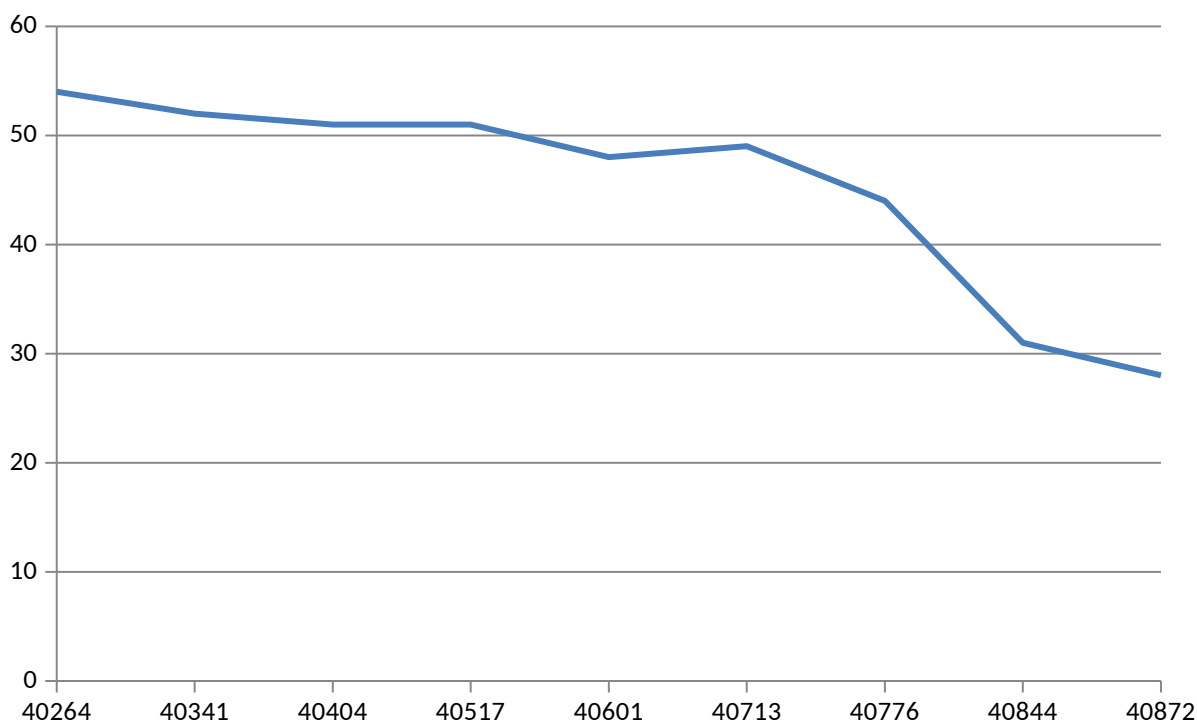
В настоящее время рейтинг «Единой России», согласно данным ФОМ¹⁶, остается стабильным, колебания не превышают нескольких процентов:

Такая стабильность рейтинга «Единой России» на фоне нарастания протестного потенциала в обществе напоминает ситуацию 2010 года. При

ЭТОМ
опыт 2011 года показывает, что внешняя прочность поддержки партии власти за год до выборов может обратиться резким падением рейтинга непосредственно в год выборов в парламент страны.

Необходимо отметить, что в 2011 году основное падение поддержки «Единой России» произошло незадолго до дня голосования. Так по данным ВЦИОМ¹⁷, равномерное снижение рейтинга с июня по август 2011 года сменилось резким его падением осенью 2011 года вплоть до зафиксированного в рассматриваемый период минимума (28%):

¹⁶ <http://fom.ru/Politika/10949>

¹⁷ http://wciom.ru/news/ratings/elektoralnyj_rejting_politicheskix_partij/

Падение в 2010-2011 гг. рейтинга «Единой России» было резким и неожиданным для власти – его масштабы не были заранее видны в социологических срезах. **Таким образом, несмотря на внешнее благополучие в рейтингах «Единой России» в 2015 году, партия не застрахована от внушительного падения поддержки непосредственно в год выборов.** Снижение доверия к партии может быть усугублено экономическими сложностями, затронувшими уровень жизни подавляющего большинства россиян: **новые протесты могут развернуться уже не в контексте требований честных выборов, а на фоне затяжного социально-экономического кризиса, многочисленных нерешенных социальных проблем.**

Основная социальная база «Единой России», рейтинг которой в настоящее время по данным ВЦИОМ составляет около 52%, – люди со средним, по общероссийским меркам, достатком.

Самые малообеспеченные менее охотно голосуют за партию власти. Об этом свидетельствуют соответствующие доли голосующих за «Единую Россию» среди тех, чей доход на члена семьи менее 5000 рублей (42%), а также среди тех, кто на вопрос о самооценке материального положения выбрал вариант ответа «Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты».

Наиболее обеспеченные также меньше склонны голосовать за партию. Среди выбравших при ответе на вопрос о самооценке материального положения вариант «Мы можем позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое» таких людей 38%.

Данная тенденция подтверждаются и данными по децильному коэффициенту по «Единой России»:

Опрос ВЦИОМ 13.09.2014	Децильная группа по доходу									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Единая Россия	43	59	61	52	49	51	56	53	61	39

Таким образом, для электоральных результатов «Единой России» **реальным фактором риска может являться критическое увеличение доли россиян, живущих за чертой бедности.** При этом согласно данным Росстата на декабрь 2015 года, число бедных россиян увеличилось за последний год на 2,3 млн. человек: с 18 до 20,3 млн. человек.

В остальном, электорат «Единой России» является достаточно усредненным. Среди женщин доля сторонников партии больше (56%), среди мужчин – меньше (46%). В группах по уровню образования значимое отклонение – среди имеющих среднее образование или ниже (36% готовых проголосовать за партию, но, главным образом, за счет не участвующих в выборах – 21%). В профессиональных группах несколько выделяются специалисты с высшим образованием, работающие в коммерческом секторе. (45%). В остальных профессиональных группах уровень поддержки колеблется в районе 50-60%.

Некоторые особенности, по данным ВЦИОМ, наблюдаются у электората других парламентских партий.

Рейтинг «Справедливой России» составляет 5% в целом по массиву, примерно 4-8% в разных социальных, демографических и экономических группах. Среди социальных групп выделяются только жители Северного Кавказа – 16% из них готовы проголосовать за партию – и люди с высоким достатком («Мы можем позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое» - 16%).

Схожа ситуация у ЛДПР (8% - в целом по массиву, 5-9% в большинстве групп). Выделяются люди с образованием средним и ниже среднего (12%), малообеспеченные (в группе с доходом до 5000 рублей на члена семьи – 11%), силовики (в профессиональной группе «Военнослужащий в армии, органах внутренних дел, включая милицию и ФСБ» – 24%) и госслужащие (19%), жители городов-миллионников (12%).

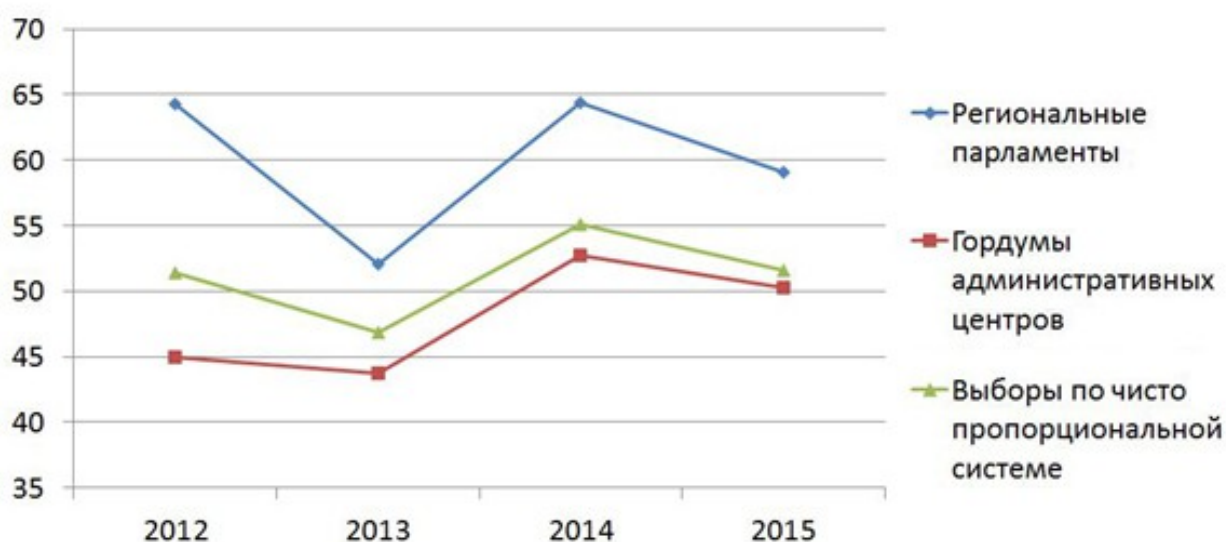
У КПРФ рейтинг также невысок (в целом по массиву – 8%, 6-11% в большинстве групп). Чуть больше доля сторонников коммунистов среди людей с образованием средним и ниже среднего (14%), людей 60 лет и старше (16%), пенсионеров (15%), госслужащих (14%).

Социологические данные демонстрируют, что все отклонения в составе социальной базы для парламентских партий (за исключением, пожалуй, повышенной доли сторонников ЛДПР среди силовиков) незначительны. Очевидно, что протестные настроения будут сконцентрированы вне партийной системы, и только впоследствии будут подхвачены теми партиями, которые смогут наиболее удачно позиционировать себя в качестве политической альтернативы действующей власти.

Несмотря на стабильные электоральные рейтинги «Единой России» и оппозиционных партий, падение поддержки «Единой России» начало

ощущаться уже по результатам выборов 2015 года. Резкий рост поддержки партии власти по результатам «Крымского синдрома» в 2014 году сменился в текущем году снижением среднего результата «Единой России» на выборах. Так средний процент единороссов на выборах в региональные заксобрания и думы административных центров регионов снизился с 57,4% в 2014 году до 54,7% в сентябре 2015 года.

Средний результат партии «Единая Россия» на выборах различного уровня в 2012-2015 гг., по данным ЦИК РФ

При этом если смотреть усредненно, не в разрезе отдельных регионов, то видно, что на первом месте среди бенефициаров падения поддержки партии власти пока является «Справедливая Россия», улучшившая свой средний результат в текущем году (10,2%) более чем в два раза по сравнению с итогами 2014 года (4,8%). Кроме того, свыше процента прибавила КПРФ.

Средний результат парламентских партий на выборах в законодательные собрания субъектов РФ и думы административных центров субъектов РФ в 2012 – 2015 гг., по данным ЦИК РФ

	% голосов			
	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справедливая Россия
2012	54,65	17,86	7,85	8,71

2013	47,91	13,48	8,40	8,22
2014	57,37	13,23	9,01	4,75
2015	54,69	14,53	9,67	10,20

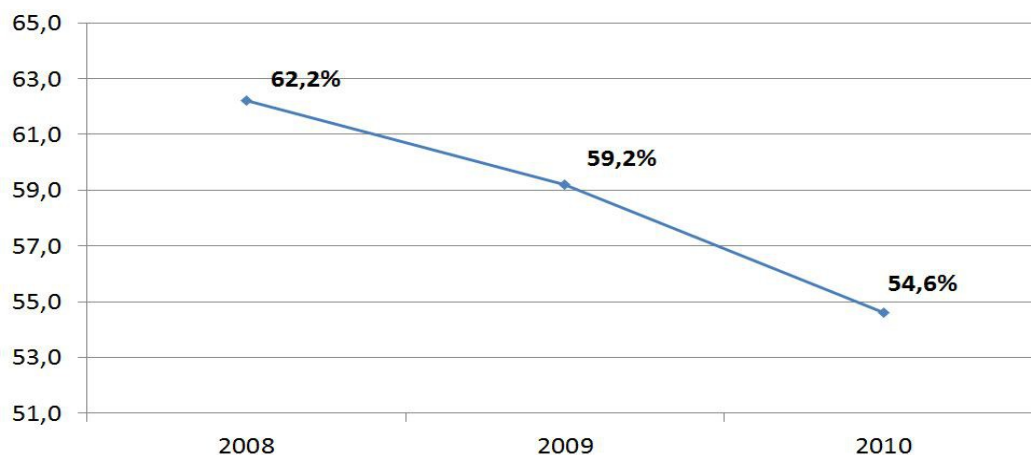
Таким образом, на фоне экономического кризиса и падения социальных стандартов возрастающим спросом пользуются «левые» политические идеи. При этом успех «Справедливой России», которой многие аналитики прочили скорую политическую смерть, является стимулом для более активного привлечения протестного электората Коммунистической партии, традиционно претендующей на статус основной оппозиционной силы в стране.

Сигналом падения поддержки «Единой России» служит и уже упомянутое протестное голосование против кандидатов от «Единой России» в административных центрах регионов РФ на выборах губернаторов 2015 года. Целый ряд действующих глав регионов проиграл в столицах своих областей. В Иркутске Сергей Ерощенко набрал 30,53%, а Сергей Левченко — 55,25%. В столице Марий Эл Йошкар-Оле Леонид Маркелов получил 37,32%, его соперник Сергей Мамаев (КПРФ) — 39,03%. В столице Амурской области Благовещенске врио губернатора Александр Козлов — 30,26%, его соперник Иван Абрамов (ЛДПР) — 45,19%, кандидат от КПРФ Роман Кобызов — 18,24% (в совокупности за оппозицию проголосовали почти 64%). В городе Омске врио губернатора Виктор Назаров также не выиграл первый тур: он набрал 48%, его конкурент — почти 38%.

В некоторых регионах результат «Единой России» снизился, в том числе, усилиями несистемной оппозиции. При этом оппозиционеры сами не получают необходимый результат, по сути, лишь помогая парламентским партиям и «Яблоку». Так на выборах 2015 года в городскую думу Костромы, где активно действовала партия «Парнас», «Яблоко» по единому округу сумело получить 6,7% голосов, по 18% голосов – КПРФ и «Справедливая Россия», 12% – ЛДПР.

Стоит отметить, что постепенное падение электоральных результатов «Единой России» наблюдалось и в период, предшествовавший выборам в Госдуму 2011 года. Так средний результат партии власти на выборах в региональные парламенты снизился за три года на 7,6% – с 62,2% в 2008 году до 54,6% в 2010 году.

Средний результат партии «Единая Россия» на выборах в законодательные собрания субъектов РФ в 2008 – 2010 гг., по данным ЦИК РФ

Даже на этом фоне результаты «Единой России» на выборах 2011 года во многих субъектах РФ оказались существенно ниже, чем на предшествовавших выборах регионального уровня. Так в Костромской области «Единая Россия» получила рекордно низкие 30,7% голосов, при том что на выборах в октябре 2010 года в областное заксобрание партия сумела набрать 51,2%. Аналогичная ситуация наблюдалась и во многих других регионах: в Белгородской области «Единая Россия» потеряла в течение года около 15% голосов, Новосибирской – 11%, Магаданской – 9%, Оренбургской – 6,6%.

Социологические данные, результаты выборов различных уровней указывают на качественное расширение протестного потенциала в российском обществе. Как и в период 2010-2012 гг., подготовка к циклу больших федеральных выборов сопровождается нарастанием недовольства властью, несущим в себе серьезные риски как протестного голосования, так и открытых общественных волнений.

Несмотря на общее сходство с ситуацией 2010-2012 гг., текущее развитие событий обладает существенными отличиями.

В настоящее время формируется новая, более четко выраженная направленность протеста. В 2011 году он был артикулирован в абстрактном недовольстве властью, недостатками системы, непрозрачностью политического процесса, неэффективностью государственного управления, и лишь косвенно был вызван последствиями экономического кризиса. Усталость от власти сконцентрировалась в узком политическом требовании свободы выборов, что заранее ограничило аудиторию протеста.

В настоящее время предпосылки роста протестного потенциала лежат, в основном, вне политики. В основе протестных настроений – чисто социальные вопросы выживания людей, роста цен, сокращения зарплат, перехода черты бедности миллионами россиян, будущего страны в целом. Недовольство провоцирует не только сильнейшее с 1990-х годов падение уровня жизни населения, но и решения власти, бьющие по достатку фактически каждого россиянина. Так один за другим в РФ вводятся скрытые налоги, воспринимаемые населением как незаконные поборы, такие как плата за капитальный ремонт домов, сбор с дальнобойщиков, разрабатываемая плата за пользование электросетями, плата за проезд по автомобильным дорогам. Повсеместное распространение платных парковок готовит почву для городского протеста.

Соответствующим образом, по сравнению с 2010-2012 гг., меняется и социальная база протеста: она существенно расширяется как географически, захватывая фактически все регионы России, так и качественно – распространяясь среди самых разных социо-профессиональных групп, в том числе традиционно аполитичных. Если «Болотный протест» возглавило население столиц, то в настоящее время потенциальную протестную аудиторию составляют жители не только крупных, но и возможно средних и малых городов. А как показал протест дальнобойщиков, точки «сборки» протеста могут возникать даже вне городов – на трассах и в других местах, где осуществляет деятельность та или иная социальная группа. Ситуация может обостриться также на крупных предприятиях, не справляющихся с последствиями кризиса: в таких случаях протесты могут иметь место в том числе в моногородах.

К социальной базе протеста присоединяются люди с невысоким достатком, составляющие большинство населения страны. На фоне обеднения населения потенциальная аудитория протеста представляется огромной – только за чертой бедности, по официальным данным, живет уже свыше 20 миллионов россиян.

Акции гражданского неповиновения, когда люди от мирного протеста переходят к более радикальным действиям, витают в воздухе, хотя пока их удается избежать. При этом люди гораздо ближе к выражению радикального недовольства. Риск усугубляется тем, что власть не решает накапливающиеся социальные проблемы, отмахивается от протестующих. Такие действия, как фактическое игнорирование протеста дальнобойщиков, начали затрагивать группы населения, традиционно являющиеся электоральной опорой власти.

Накапливающееся социальное напряжение неизбежно отразится на результатах выборов 2016 года. Риски протестного голосования против власти прослеживаются уже сейчас – результаты «Единой России» по итогам 2015 года заметно снизились в сравнении с «посткрымским» 2014 годом, системные кандидаты в губернаторы начали проигрывать выборы в административных центрах регионов. При этом в условиях региональных выборов падение поддержки «Единой России» пока, во многом, скрыто, оно сдерживается административным ресурсом, всеобщим внешним спокойствием. Ситуация может существенно поменяться в ходе федеральной кампании по выборам в Госдуму, когда на фоне информационной «накачки» к политической повестке подключится большинство населения России.

В настоящее время сложно спрогнозировать, протест какой силы и продолжительности может иметь место в 2016 году. В 2011 году «думская» кампания позволила обществу «выпустить пар», при этом не разрушая систему, – после выборов городской протест стих.

В текущих условиях возможные общественные волнения будет значительно сложнее локализовать и безболезненно купировать. Долгосрочный, депрессивный характер экономического кризиса, накапливающаяся масса нерешаемых социальных проблем, затрагивающих всех жителей страны, могут спровоцировать протест с гораздо большим потенциалом угрозы для власти. При этом риски социальных взрывов распространяются не только на выборы в Госдуму 2016 года, но и на период 2017-2018 гг., связанный с подготовкой к выборам Президента России.